Дойти до точки?

Давайте признаем - с иронией, горечью и сарказмом: мы живем в уникальное время! Может быть, потомок-романтик позавидует нам, как завидовали мы в нашем далеком детстве нашим сверстникам из далекой революционной эпохи. Какой она была на самом деле? Во всяком случае, в те годы уезжали из страны люди, не принявшие революцию.

Но если тогда из страны уезжали не потому, что не могли выжить, а потому, что не могли принять новых принципов жизни, то теперь... Теперь едут, именно! - чтобы выжить! Те, кто не может и не хочет изменять своей природе или не может идти продавать последнее. (По той же причине во время войны интеллигенция умирала первой.)

Чего стоит им уезжать! Рвать корни для многих душ почти смертельно. (Именно для душ. Телам там и впрямь комфортнее.)

Уезжает наша культура.

Покинул родной город старейшина советской литературы З. М. Кац. Его сын не мог оставить вдали от себя 80-летних стариков.

Зельман Менделеевич, Зельман Менделеевич! Каково Вам там на исторической родине? Вам, который весь остался здесь, на родной земле.

«Моя краина - Украина,
с горы на твой простор взгляну,
и белый свет сойдется клином
на солнечном твоем клину.»

Вам, прошедшему войну фронтовым корреспондентом, каково сейчас, в юбилей Победы, видеть свои ордена и медали - в том краю вряд ли уместно их надевать!

Как случилось, что мы сами выбрали путь для страны, от которого сами не знаем куда деться? Никто не знает, как ответить. Так и хочется убедить себя в том, что кто-то решает за нас, некая высшая сила, ведущая нас в эту пропасть (или через эту пропасть - кто знает?)

Другой харьковский поэт, Юрий Финн, не захотел в пропасть. И что же? Каково ему нынче в Дортмунде? В его новой книжечке «Под чужим небом» [illegible]

лость.»

Мы не дорожим нашей культурой. Не дорожим умами. Страна уезжает. Вымирает (известная статистика!). И те, кто нынче жирует за счет всех нас, обокраденных запросто, не вымрут никогда, ибо они сильны своей безнравственностью. Нравственность у нас, к несчастью, не стала силой. Она в загоне. Или в загране.

Нет нравственности - нет культуры. Нет культуры - нет страны. Государства нынче нет, потому что оно не отвечает сегодня за людей - за детей своих. Месяцами нет зарплаты - живите, как хотите. Нет отца-матери, мы круглые сироты. И что с нами: воруем ли, находим ли случайную работу, умираем ли без нужного лекарства - наши проблемы. Мы смирились с этим ужасом. Вернее, не то, чтобы мы смирились - не знаем, что делать. История опробовала разные пути - и конституционный, и революционый. Видя, что в нашей ситуации оба пути ни к чему не ведут, народ пробует еще один путь: переход на натуральное хозяйство. Спускаемся в глубь веков - начать все сначала. Люди уже не верят никому и ничему. Только своим рукам. Своим рукам верит любимая мною Ирина Готовская. Ей нельзя переходить на натуральное хозяйство - она скрипачка. Это ее жизнь, ее хлеб. Впрочем, разве же это хлеб! Вы знаете, сколько получает скрипач?

Впрочем, что говорить о скрипачах, если производителям нашим не дают производить, и, следовательно...

Говорят, что хорошие музыканты нужны в Германии. Туда уехала половина Харьковского симфонического оркестра. Людям - есть у них такая непростительная слабость - хочется жить!

ордена и медали - в том краю вряд ли уместно их надевать!

Как случилось, что мы сами выбрали путь для страны, от которого сами не знаем куда деться? Никто не знает, как ответить. Так и хочется убедить себя в том, что кто-то решает за нас, некая высшая сила, ведущая нас в эту пропасть (или через эту пропасть - кто знает?)

Другой харьковский поэт, Юрий Финн, не захотел в пропасть. И что же? Каково ему нынче в Дортмунде? В его новой книжечке «Под чужим небом» мы читаем:

«Это кладбище без мертвецов,
Небо серое над головою.
Запрокидывая лицо,
Я без голоса вою.»

А родная земля подвигала на строки:

«Дерево, омытое дождем,
Светится, как в первый день творенья.
Мы порой полжизни отдаем
За одну строку стихотворенья.
...И когда придут на Страшный Суд
Страны, города и поколенья,
Ангелы, склонясь, произнесут
Лишь одну строку стихотворенья.»

Трудно все-таки без корней. Как сказала наша землячка, поэтесса Виктория Добрынина: «Я не могу обойтись без этого двора, в котором выросла и который каждый день вижу в свое окно». Виктория писала: «Я для этого и здесь как раз - встречать из долгого полета.»

А Светлана Озерская, удивительный поэт, не забытый Богом, но забытый людьми, единственное богатство которой - ее стихи, так объяснла свое нежелание уезжать туда, где хлеб насущный - не проблема: «Когда я в депрессивном состоянии, я просто не могу есть хлеб».

Юрочка! Тебе там, наверное, икается! Ты, который так мечтал уехать из страшной страны, пишешь оттуда:

«Нет ни мертвой ни живой воды -
Маковой росинки не осталось.
Лишь мерцанье Родины-звезды
Да огромная, как ночь, усталость.

Но, к счастью, не всем нашим людям руки вяжет эта усталость. Вот, например, Ирочка Готовская. Ей нельзя переходить на натуральное хозяйство -она скрипачка. Это ее жизнь, ее хлеб. Впрочем, разве же это хлеб! Вы знаете, сколько получает скрипач?

Впрочем, что говорить о скрипачах, если производителям нашим не дают производить, и, следовательно...

Говорят, что хорошие музыканты нужны в Германии. Туда уехала половина Харьковского симфонического оркестра. Людям - есть у них такая непростительная слабость - хочется жить!

Ирочка! Когда ты окажешься где-нибудь в Нюрнберге или Дортмунде, дай Бог тебе работы и не дай Бог ностальгии! Потому что ты, кроме того, что скрипачка, еще и поэт. Поэт, чьи стихи высоко ценила Юнна Мориц и о которых Борис Чичибабин сказал так: «Их хочется перечитывать».

«Отпускаю слова - и названия нет ничему.
Посылаю наречия в ночь, как на гибель солдата.
Осторожной ладонью, остуженным жестом утраты,
Как поэта в тюрьму, провожаю предлоги во тьму.
...А любовь моя станет пожизненной жаждой родства,
Продолжением вздоха и властью высот непочатых.
Осторожной ладонью, остуженным жестом утраты
Посредине миров отпускаю земные слова.»

Как легко, как безумно просто мы отпускаем от себя таких людей! У нас нет другого выхода - мы не можем их прокормить. А те, кто может, не делают этого. Потому что категория «нравственность» - из другого измерения. Плоскому миру не понять параметров объемного.

Есть ли у нас опасность вымереть? Есть. Из трехмерного мира мы переходим в двухмерный. Из двухмерного - в одномерный. А потом - точка.

Светлана Зайцева